

ПЕВЕЦ СВОБОДЫ И БРАТСТВА НАРОДОВ

(Окончание. Начало на 2-й стр.)

Всем дальнейшим развитием украинской литературы была засвидетельствована ее огромная жизнеспособность. Сила этой жизнеспособности коренилась в народной почве, в неразрывной связи слова и жизни. Глубоко понимая общественные задачи, ставившие перед украинской литературой того времени, Шевченко направил ее развитие на путь народности, на путь демократизма и реализма. Трагедия Шевченко оказалась удивительной живучей и плодотворной, и сам он словно продолжил себя в революционности и демократичности литературы Ивана Франко, Леси Украинки, Михаила Коцюбинского, Павла Грабовского, Панаса Мирного, Василия Степанова, Степана Васильченко и многих других наших классиков, чьи бессмертные народные традиции живут и развиваются в наши дни, в современной литературе украинского народа.

Истинной народностью, глубоко народной трактовкой самых острых социальных проблем, боевой своей гуманистической направленностью творчество Шевченко близко и со звучно искусству нашего времени.

В современной прогрессивной литературе мира, душу которой составляет литература социалистических стран, не прекращается борьба против искусства узаконенного, дентического, искусства, которое извилось в человеке, которое уродливо-формалистическими средствами изображает смиление, растерянность и страх человека капиталистического мира перед картины действительности, где самому человеку это мрачное пессимистическое искусство отводит лишь роль жалкой игрушки в руках слепых и темных стихий сил. Этому направлению противостоят литература высоких гуманистических идей, литература вдохновляющая веры в человека; в ее разум, в его способность перестроить мир, где в условиях социальной гармонии и справедливости человек смог бы разиться безгранично.

Шевченко с нами в эти напряженной борьбе за большое гуманистическое искусство современности.

Неувядаемое художественное наследие Кобзаря органически входит в духовную жизнь советского общества, ставшего своей целью воспитывать человека высоких моральных качеств, человека трудолюбивого, мужественного, честного, свободного от отголосков прошлых времен. Шевченко близок нам своим идеалом свободного человека, своей прекрасной любовью к родному краю, своей непримиримостью ко всему, что человека унижает, сковывает, уродует. Близко нам восхищение поэта человеческим мужеством, рыцарством, подвигом и преклонением его перед вечной пристрастной красотой материнства, — она, эта красота, воспета поэтом в таких гармоничных тонах и с такой проникновенной нежностью, что, пожалуй, может равняться только с шедеврами эпохи Возрождения.

Шевченко присущ широкий взгляд на мир, его поэтическая мысль не ограничена узко национальными горизонтами. Для нас он — певец братства народов, ибо таким он был, хотя этот никак не хотят признать. В этом никак не хотят признать буржуазные толкователи его творчества, не останавливающиеся перед тем, чтобы своим собственным измышлениям и ложным доктринальным попыткам навязать ему.

Мы читаем Шевченко таким, каким он является в действительности, каким читала его трудовая Украина, для нас он тот, каким читал его в подполье и в портах поколений революционеров, каким поэт был для бойцов интернациональных бригад в Испании, где одно из республиканских подразделений носило имя Тараса Шевченко. Дорог для нас тот, единственно правдивый текст «Кобзаря», на просторных страницах которого закапалась горячая кровь советских бойцов на фронтах Отечественной войны, тот, который в виде листовок сыпалась на наших самолетов на германские пропагандистские листы.

Шевченко болел не только болами украинского народа, хотя, естественно, они были для него наиболее жгучими. Всюду, где он только видел гнет и беспроще, унижение человека, путь было на том, волоком параде или в азиатских пустынях, или грязном стомоне докатывалось с Кавказских гор, — всюду зло и неправда вызывали взрывы протesta у поэта и каждый раз он был готов к бою с насилием и злом. Ни различие в цвете кожи, ни иноязычие не могли воспрепятствовать проявлениям его природной гуманистии и братолюбия. Понятна символическая бала его встреча с английским аристократом-трагиком, негром А. Одриджем в Лондоне.

Шевченко не разделяет, он обединяет народы: этим он велик, этим дорог человекечество.

Многосторонней была его жизнь. По колочкам терниам шло крепостное детство Тараса, в терновом венце страдальца видим мы поэта на склоне его лет.

Насколько же глубоки и жгучи были впечатления сиротского подневольного детства, если в течение всей жизни Тарас не мог их забыть и то и дело возвращался к ним в своих произведениях! Стоило ему увидеть грустное детское лицо глядя подле убитой киргизской кибитки, либо заметить такого же малолетка где-то в украинском селе, как из души, щемящая нежность поэта:

И золотой дорогой
Меня, що знали ви, не жаль
Мої долі долі мої!
А іноді така печаль,
Остину душу, аж заплачу,
А ще до того, як побачу
Малого хлопчика в селі.
Мов одірвалося од гілі,
Одно-одніснік під тіном
Сидить собі в старій радині.
Мені здається, що се, я,
Що не ж та молодість моя.

Сын крепостного и сам крепостной, бесправный, беззащитный перед панским произволом, с душой впечатлительно-чуткой, тонкой, он на каждом шагу видел вокруг себя картины горя народного, беззакония, грабежа, над всем детством его, как и над всей Украиной, свистела плеть панского надсмотрщика, приказника.

Трагедия порабощенного народа была для Шевченко трагедией личной.

Сама жизнь его — это трагическая поэма, полная драматизма, жизнеописание человека, прошедшего все дантовы круги черного, крепостного ада, оставил при этом до конца своих дней в чистоте своего свободолюбия, непокорности и, вопреки всему, сохранившего в себе чувства чести и достоинства, неистребимого в душе солнечного человека-любви. Если мы хотим видеть, чем может быть человек, какой подлинно промеет дух в нем живет, — посмотрим на Шевченко! Пусть невыразимо дорого ценой, но он добыл себе право в самые трудные дни своей жизни, в катаржной солдатине, в смыслах сказать о себе с достоинством: Каючиша, мусиша... але не яко!

Подростком, вместе с господской

частью Тарас — комнатный казачек из родного села на Киевщине попадает в Вильнюс, нынешний Вильнюс, город, где в воздухе уже чувствовалось предгрозье близкогопольского восстания. Затем он в Петербурге, где еще живя память о декабристах, еще воображенье рулетует из смысла, на Сенатской площади теня героя-мучеников, «поборников свободы воин». Юноша-новеллист чувствует в себе способность стать на путь родной, горячо любимой Украины, поэтический образ которой он со временем нарисует в «Кобзаре» — самыми проникновенными, самыми певучими красками.

В борьбе за дело народное, в защите угнетенных видят он смысл и цель своего существования, безустанного творческого труда.

Возвеличу
Малих отих рабів nim!
Я насторож коло іх
Поставлю слово.

Полуденяндій кажеться нам та лялака белая петербургская ночь, когда в алее Летнего сада Красивчиков встретил юношу-подмастерья, самозабвенно рисовавшего статую Сатурина. Встрече этой суждено было стать исторической. Благодаря усилиям русской и украинской прогрессивной интеллигентии, искренним заботам В. Жуковского, К. Брюллова, В. Григоровича, Е. Гребенки молодой Шевченко был выкуплен из рабства. Он мог теперь сказать о себе: «Велико честь бути вольним чоловеком!»

В 1840 году появился первый изданія «Кобзаря». И хотя книга выпущена не в том виде, в каком миллионы людей знают ее теперь, — в ней было помещено всего восемь первых произведений поэта — все же событие это было поистинеepochalno. В следующем году появилась отдельная изданія поэма «Гайдамаки» — творение могучее, грандиозное.

Опытный трудовой люд Украины имел своего певца.

Шевченко не нуждается в канонизации. Произведения его, как и каждое явление искусства, нельзя рассматривать вне времени, путешествуя по крепостным селам Украины, либо сочиняя в смыслах и поэтических смыслах; вместо одних образов появляются иные, вместо юношеских романтических поэзиях, появляются новые ритмы, интонации, неизменны же — на протяжении всей жизни — будут в слове Тараса его алмазно-чистая правдивость, его такая искренность, будто произносили это слово сами народные уста.

Живя в Петербурге, Шевченко общалась со студентами столицы, сблился с передовыми деятелями русской культуры, среди его друзей были будущие петербургские. Именно в этом кругу крепко революционные убеждения поэта, его молодая пытка душа не могла не повернуться в новом направлении, «тем более, — как замечает Иван Франко, — что и собственные его мужицкие симпатии издавна влекли его в ту сторону.»

Шевченко жил и творил в условиях беспрерывной травли царской макобесии — реакционерами украинской национальной культуры. В то время, когда один из таких макобесов, редактор «Московских ведомостей» Катков, утверждал, что «малороссийский язык никогда не был...», великий поэт и художник приводил украинскую культуру в пример.

Шевченко был человеком всесторонне одаренным. Многообразностью и многогранностью гения Кобзарь поражает. Долго он был недоделан, — по-видимому, и сам Тарас оставил, среди его друзей были будущие петербургские. Именно в этом кругу крепко революционные убеждения поэта, его молодая пытка душа не могла не повернуться в новом направлении, «тем более, — как замечает Иван Франко, — что и собственные его мужицкие симпатии издавна влекли его в ту сторону.»

Шевченко был человеком всесторонне одаренным. Многообразностью и многогранностью гения Кобзарь поражает. Долго он был недоделан, — по-видимому, и сам Тарас оставил, среди его друзей были будущие петербургские. Именно в этом кругу крепко революционные убеждения поэта, его молодая пытка душа не могла не повернуться в новом направлении, «тем более, — как замечает Иван Франко, — что и собственные его мужицкие симпатии издавна влекли его в ту сторону.»

Шевченко был человеком всесторонне одаренным. Многообразностью и многогранностью гения Кобзарь поражает. Долго он был недоделан, — по-видимому, и сам Тарас оставил, среди его друзей были будущие петербургские. Именно в этом кругу крепко революционные убеждения поэта, его молодая пытка душа не могла не повернуться в новом направлении, «тем более, — как замечает Иван Франко, — что и собственные его мужицкие симпатии издавна влекли его в ту сторону.»

Шевченко был человеком всесторонне одаренным. Многообразностью и многогранностью гения Кобзарь поражает. Долго он был недоделан, — по-видимому, и сам Тарас оставил, среди его друзей были будущие петербургские. Именно в этом кругу крепко революционные убеждения поэта, его молодая пытка душа не могла не повернуться в новом направлении, «тем более, — как замечает Иван Франко, — что и собственные его мужицкие симпатии издавна влекли его в ту сторону.»

Шевченко был человеком всесторонне одаренным. Многообразностью и многогранностью гения Кобзарь поражает. Долго он был недоделан, — по-видимому, и сам Тарас оставил, среди его друзей были будущие петербургские. Именно в этом кругу крепко революционные убеждения поэта, его молодая пытка душа не могла не повернуться в новом направлении, «тем более, — как замечает Иван Франко, — что и собственные его мужицкие симпатии издавна влекли его в ту сторону.»

Шевченко был человеком всесторонне одаренным. Многообразностью и многогранностью гения Кобзарь поражает. Долго он был недоделан, — по-видимому, и сам Тарас оставил, среди его друзей были будущие петербургские. Именно в этом кругу крепко революционные убеждения поэта, его молодая пытка душа не могла не повернуться в новом направлении, «тем более, — как замечает Иван Франко, — что и собственные его мужицкие симпатии издавна влекли его в ту сторону.»

Шевченко был человеком всесторонне одаренным. Многообразностью и многогранностью гения Кобзарь поражает. Долго он был недоделан, — по-видимому, и сам Тарас оставил, среди его друзей были будущие петербургские. Именно в этом кругу крепко революционные убеждения поэта, его молодая пытка душа не могла не повернуться в новом направлении, «тем более, — как замечает Иван Франко, — что и собственные его мужицкие симпатии издавна влекли его в ту сторону.»

Шевченко был человеком всесторонне одаренным. Многообразностью и многогранностью гения Кобзарь поражает. Долго он был недоделан, — по-видимому, и сам Тарас оставил, среди его друзей были будущие петербургские. Именно в этом кругу крепко революционные убеждения поэта, его молодая пытка душа не могла не повернуться в новом направлении, «тем более, — как замечает Иван Франко, — что и собственные его мужицкие симпатии издавна влекли его в ту сторону.»

Шевченко был человеком всесторонне одаренным. Многообразностью и многогранностью гения Кобзарь поражает. Долго он был недоделан, — по-видимому, и сам Тарас оставил, среди его друзей были будущие петербургские. Именно в этом кругу крепко революционные убеждения поэта, его молодая пытка душа не могла не повернуться в новом направлении, «тем более, — как замечает Иван Франко, — что и собственные его мужицкие симпатии издавна влекли его в ту сторону.»

Шевченко был человеком всесторонне одаренным. Многообразностью и многогранностью гения Кобзарь поражает. Долго он был недоделан, — по-видимому, и сам Тарас оставил, среди его друзей были будущие петербургские. Именно в этом кругу крепко революционные убеждения поэта, его молодая пытка душа не могла не повернуться в новом направлении, «тем более, — как замечает Иван Франко, — что и собственные его мужицкие симпатии издавна влекли его в ту сторону.»

Шевченко был человеком всесторонне одаренным. Многообразностью и многогранностью гения Кобзарь поражает. Долго он был недоделан, — по-видимому, и сам Тарас оставил, среди его друзей были будущие петербургские. Именно в этом кругу крепко революционные убеждения поэта, его молодая пытка душа не могла не повернуться в новом направлении, «тем более, — как замечает Иван Франко, — что и собственные его мужицкие симпатии издавна влекли его в ту сторону.»

Шевченко был человеком всесторонне одаренным. Многообразностью и многогранностью гения Кобзарь поражает. Долго он был недоделан, — по-видимому, и сам Тарас оставил, среди его друзей были будущие петербургские. Именно в этом кругу крепко революционные убеждения поэта, его молодая пытка душа не могла не повернуться в новом направлении, «тем более, — как замечает Иван Франко, — что и собственные его мужицкие симпатии издавна влекли его в ту сторону.»

Шевченко был человеком всесторонне одаренным. Многообразностью и многогранностью гения Кобзарь поражает. Долго он был недоделан, — по-видимому, и сам Тарас оставил, среди его друзей были будущие петербургские. Именно в этом кругу крепко революционные убеждения поэта, его молодая пытка душа не могла не повернуться в новом направлении, «тем более, — как замечает Иван Франко, — что и собственные его мужицкие симпатии издавна влекли его в ту сторону.»

Шевченко был человеком всесторонне одаренным. Многообразностью и многогранностью гения Кобзарь поражает. Долго он был недоделан, — по-видимому, и сам Тарас оставил, среди его друзей были будущие петербургские. Именно в этом кругу крепко революционные убеждения поэта, его молодая пытка душа не могла не повернуться в новом направлении, «тем более, — как замечает Иван Франко, — что и собственные его мужицкие симпатии издавна влекли его в ту сторону.»

Шевченко был человеком всесторонне одаренным. Многообразностью и многогранностью гения Кобзарь поражает. Долго он был недоделан, — по-видимому, и сам Тарас оставил, среди его друзей были будущие петербургские. Именно в этом кругу крепко революционные убеждения поэта, его молодая пытка душа не могла не повернуться в новом направлении, «тем более, — как замечает Иван Франко, — что и собственные его мужицкие симпатии издавна влекли его в ту сторону.»

Шевченко был человеком всесторонне одаренным. Многообразностью и многогранностью гения Кобзарь поражает. Долго он был недоделан, — по-видимому, и сам Тарас оставил, среди его друзей были будущие петербургские. Именно в этом кругу крепко революционные убеждения поэта, его молодая пытка душа не могла не повернуться в новом направлении, «тем более, — как замечает Иван Франко, — что и собственные его мужицкие симпатии издавна влекли его в ту сторону.»

Шевченко был человеком всесторонне одаренным. Многообразностью и многогранностью гения Кобзарь поражает. Долго он был недоделан, — по-видимому, и сам Тарас оставил, среди его друзей были будущие петербургские. Именно в этом кругу крепко революционные убеждения поэта, его молодая пытка душа не могла не повернуться в новом направлении, «тем более, — как замечает Иван Франко, — что и собственные его мужицкие симпатии издавна влекли его в ту сторону.»

Шевченко был человеком всесторонне одаренным. Многообразностью и многогранностью гения Кобзарь поражает. Долго он был недоделан, — по-видимому, и сам Тарас оставил, среди его друзей были будущие петербургские. Именно в этом кругу крепко революционные убеждения поэта, его молодая пытка душа не могла не повернуться в новом направлении, «тем более, — как замечает Иван Франко, — что и собственные его мужицкие симпатии издавна влекли его в ту сторону.»

Шевченко был человеком всесторонне одаренным. Многообразностью и многогранностью гения Кобзарь поражает. Долго он был недоделан, — по-видимому, и сам Тарас оставил, среди его друзей были будущие петербургские. Именно в этом кругу крепко революционные убеждения поэта, его молодая пытка душа не могла не повернуться в новом направлении, «тем более, — как замечает Иван Франко, — что и собственные его мужицкие симпатии издавна влекли его в ту сторону.»

Шевченко был человеком всестор